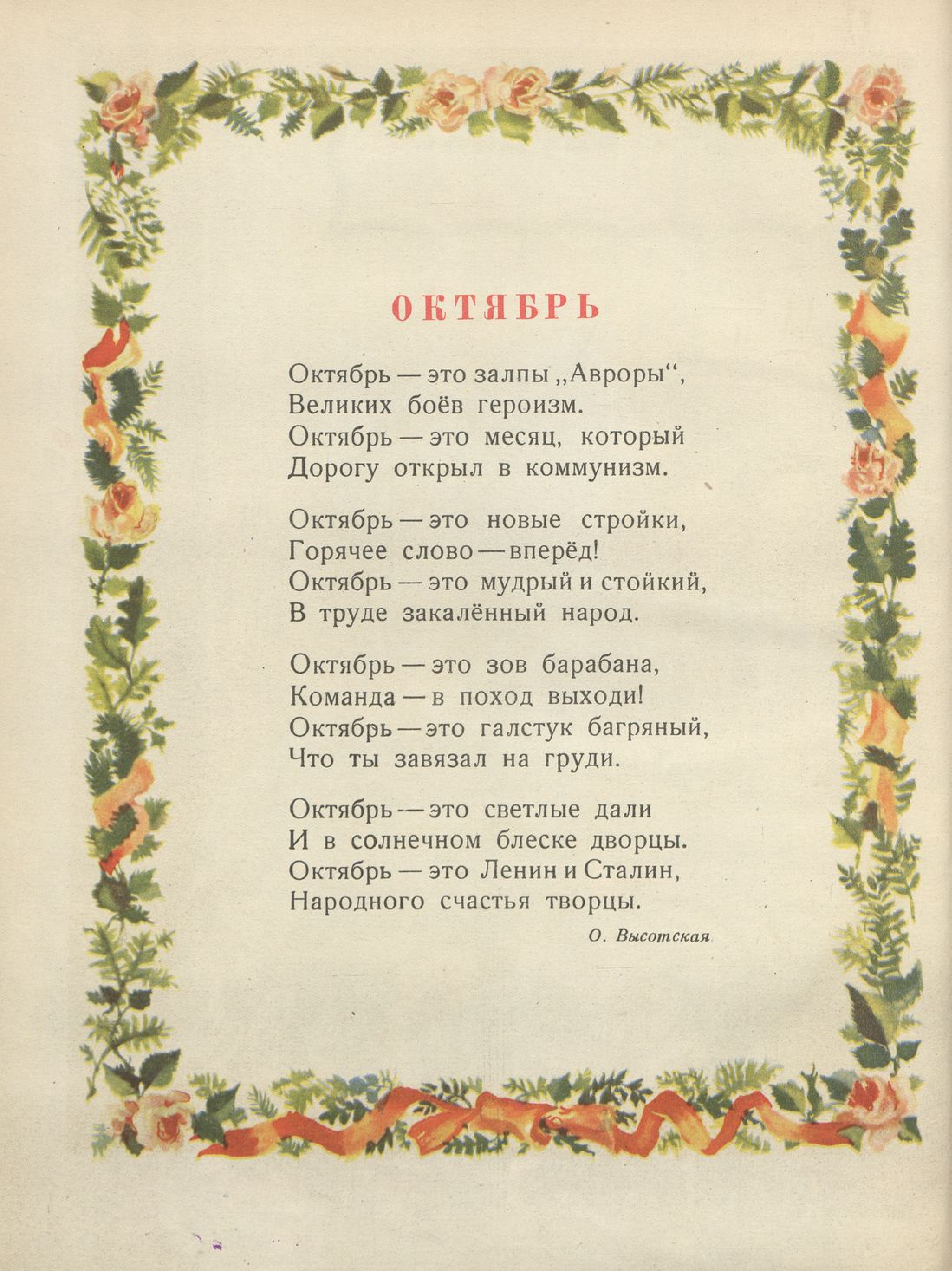

МУРЗИЛКА
N-11
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов
НОЯБРЬ
1951
1
Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР имени В. И. ЛЕНИНА
XX 63/11

ОКТЯБРЬ

Октябрь — это залпы „Авроры“,
Великих боёв героизм.
Октябрь — это месяц, который
Дорогу открыл в коммунизм.

Октябрь — это новые стройки,
Горячее слово — вперёд!
Октябрь — это мудрый и стойкий,
В труде закалённый народ.

Октябрь — это зов барабана,
Команда — в поход выходи!
Октябрь — это галстук багряный,
Что ты завязал на груди.

Октябрь — это светлые дали
И в солнечном блеске дворцы.
Октябрь — это Ленин и Сталин,
Народного счастья творцы.

О. Высотская

Иосиф Виссарионович Сталин.

Г. ГУЛИА

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Как Волга в гости пришла

Сказка-быль

Есть деревня на Волге, называется она Отрада.

Живёт в деревне Отрада мальчик по имени Миша, а иначе ещё — Михаил Панов.

Миша не большой и не очень маленький: шестой год пошёл. А он уж читает названия пароходов, которые вверх и вниз по Волге ходят — благо буквищи преогромные, покрупнее самого Михаила каждая. Но скоро научится он слова и помельче разбирать — те, что на баржах да небольших буксирах пишутся.

Изба Пановых окнами на реку глядит. Она в зелёный цвет окрашена, резными наличниками отделана. А строил её сам Иван Захарович, дедушка Миши Панова.

Кто первый плотник в Отраде? Иван Захарович. Кто первый рыбак в Отраде? Иван Захарович. Недаром говорят о нём:

— Наш дедушка днём — с топором, а ночью — с вёслами.

Вот поди и угадай, когда спит Иван Захарович!

— Дедушка, — спрашивают его, — почему ночью не спишь?

— Волга не спит, — отвечает Иван Захарович, — и мне не велит.

— А как же днём?

— Днём солнце светит, всех соней метит.

Такой уже весёлый старик этот Иван Захарович...

И вот однажды в летний полдень дедушка и говорит своему Мише:

— Видишь, Михаил, людей на берегу?

— Вижу, — говорит Миша.

— А столбик у нашей калитки видишь?

— Вижу.

— Это они его поставили.

— А зачем?

— Чтобы воду обозначить.

— Какую воду, дедушка?

— Или не знаешь, Михаил, что Волга к нам в гости собралась?

Задумался Миша. Вот дедушка в гости ходит — это ясно. Коля в гости приходит к Мише — тоже ясно. Но чтобы Волга расхаживала — дело неслыханное! И Миша не поверил дедушке. «Шутит он, — подумал Миша, — про рыбину-стерлядь пудовую шутку придумал, и про Волгу, стало быть, неправда...»

Но вот как-то утром просыпается Миша, еле, что называется, глаза продирает,

зевает сладко и спросонок улыбается. Видит: стоит над ним дедушка.

— Ну, Михаил, — говорит дедушка, — Волгу-матушку встречать выходи, в гости к тебе пришла.

А Миша поглубже в подушку зарывается.

— Ежели не веришь, — говорит дедушка, — в окно выгляни.

Миша глядь в окно, а Волга и в самом деле у калитки плещется.

Протёр Миша кулаком глаза: ну, так и есть, сама Волга в гости заявилась. Сделалась река шире и многоводней, словно море под ветром морщится, волнами играет.

Миша удивлённо глаза таращит, на оконницу грудью ложится и думает:

«Вот она, Волга-то, на какую крутизну поднялась. Прежние берега залила, новые образовала! И отчего она в гости итти надумала?»

Приступил Миша к дедушке своему с просьбой: дескать, расскажи, отчего это Волга в гости пришла. Расправил дед бороду, покашлял в кулак и говорит:

— Не Волга в гости итти надумала, а людской приказ исполняет...

— Как так, дедушка, приказ исполняет?

— Очень даже просто, — говорит дедушка. — Под Куйбышевом советские люди плотину возвели и под Сталинградом путь воде преградили, Волгу с Доном соединили. Течёт нынче Волга и свет людям даёт. С чем тебя и поздравляю, Михаил — пяти морей волжанин!

— Как так — пяти морей волжанин? — удивляется Миша.

— А вот так! Плывёшь, значит, вверх по Волге — загадывай куда: хочешь — в Балтийское море, а не угодно — так в Белое... Плывёшь вниз — правь, куда сердце велит: либо в Каспийское, либо в Азовское море, а оттуда—прямо в Чёрное. Вот и выходит: пяти морей волжанин!

Миша что-то про себя шепчет, а дедушка продолжает:

— Гляди, Михаил: струйка, словно лещ под луной, сверкнула. Это самого Белого моря вода! А вон та, тёмнозелёная, — с Чёрного. А та, которая погульливей, — Балтийская. Вот и плавай, как душа желает, только не зевай: ночь ото дня отличай!

— А разве это трудно, дедушка, ночь ото дня отличить?

— На Волге нынче такое делается, — говорит дедушка, — плывёшь, а навстречу тебе земные солнца.

— Солнца?! — восклицает Миша.

— По-моему, стало быть, земные, а по-твоему — гидростанции... Светят они, гидростанции, словно солнце, лучами своими мир поливают...

Спрыгнул Миша с постели на пол, живо в штаны влез, голову на ходу в рубашку просунул и к калитке своей что есть мочи побежал. Шагнул за калитку — прямо у ног вода. Присел на корточки, пальцы опустил в воду и загляделся на неё, как это бывает при встрече с дорогим человеком.

Долго сидел у воды Миша Панов, отрадинский мальчонка, а мысли его к пяти морям летели. Летели они, как птицы, и, словно в сказке, с собою Мишу уносили. Они несли Мишу через молодые леса, через зелёные степи, проносили его над великими волжскими сооружениями, которые дедушка недаром назвал земными солнцами...

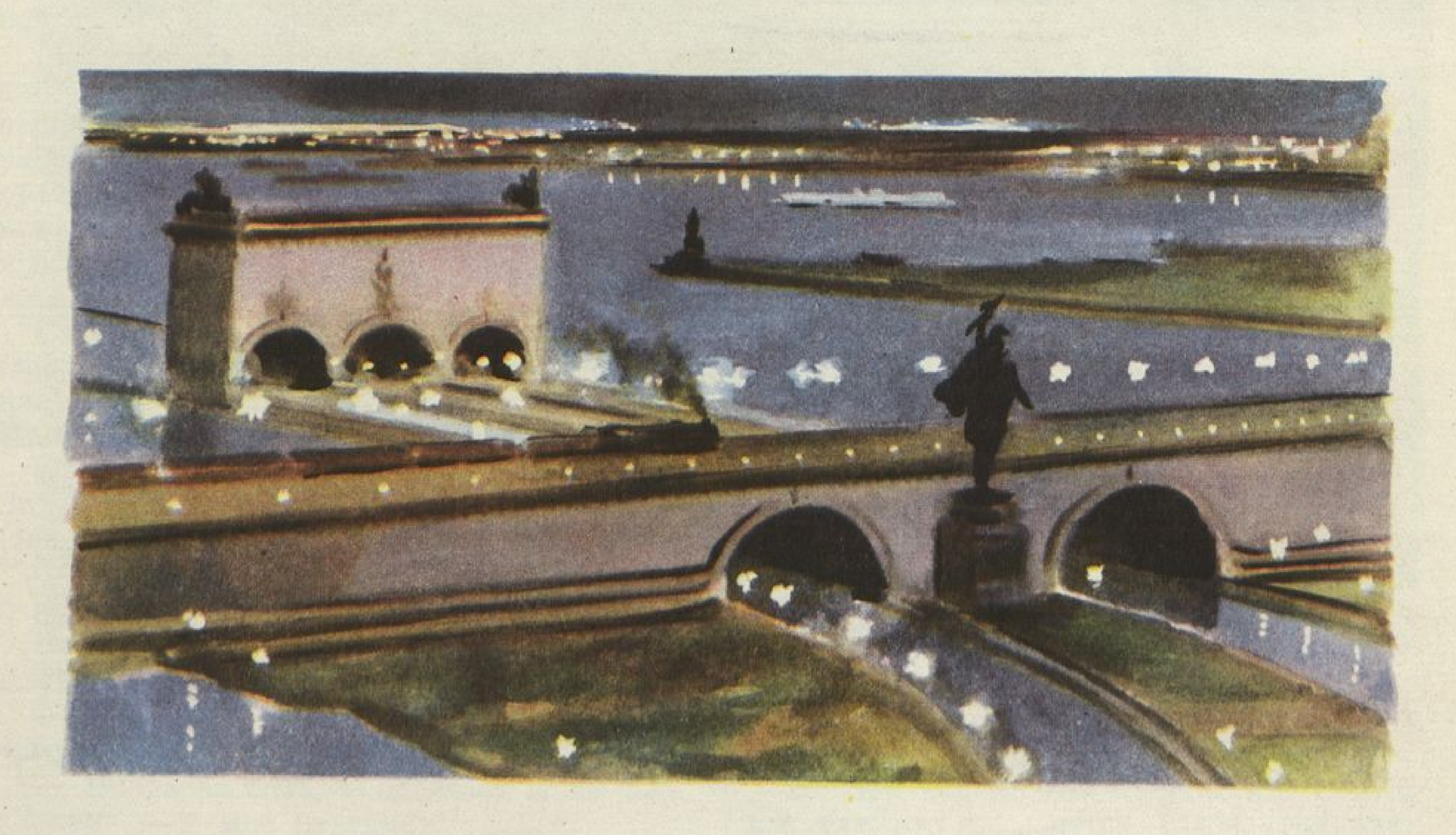

Рис. Н. ЖУКОВА

А. КАРДАШОВА

ХОРОШО ЖИВЕТСЯ НАМ!

Здравствуй, праздник наш советский,
День великий, славный!
Ты и взрослый, ты и детский
Праздник самый главный.

Наш народ за счастье бился...
И рабочим сдался враг.
В этот день свободно взвился
Самый первый красный флаг.

Рис. Б. ДЕХТЕРЁВА

В зале — смех и оживленье,
Разговоры и хлопки.
— Начинаем представленье! —
Заливаются звонки.

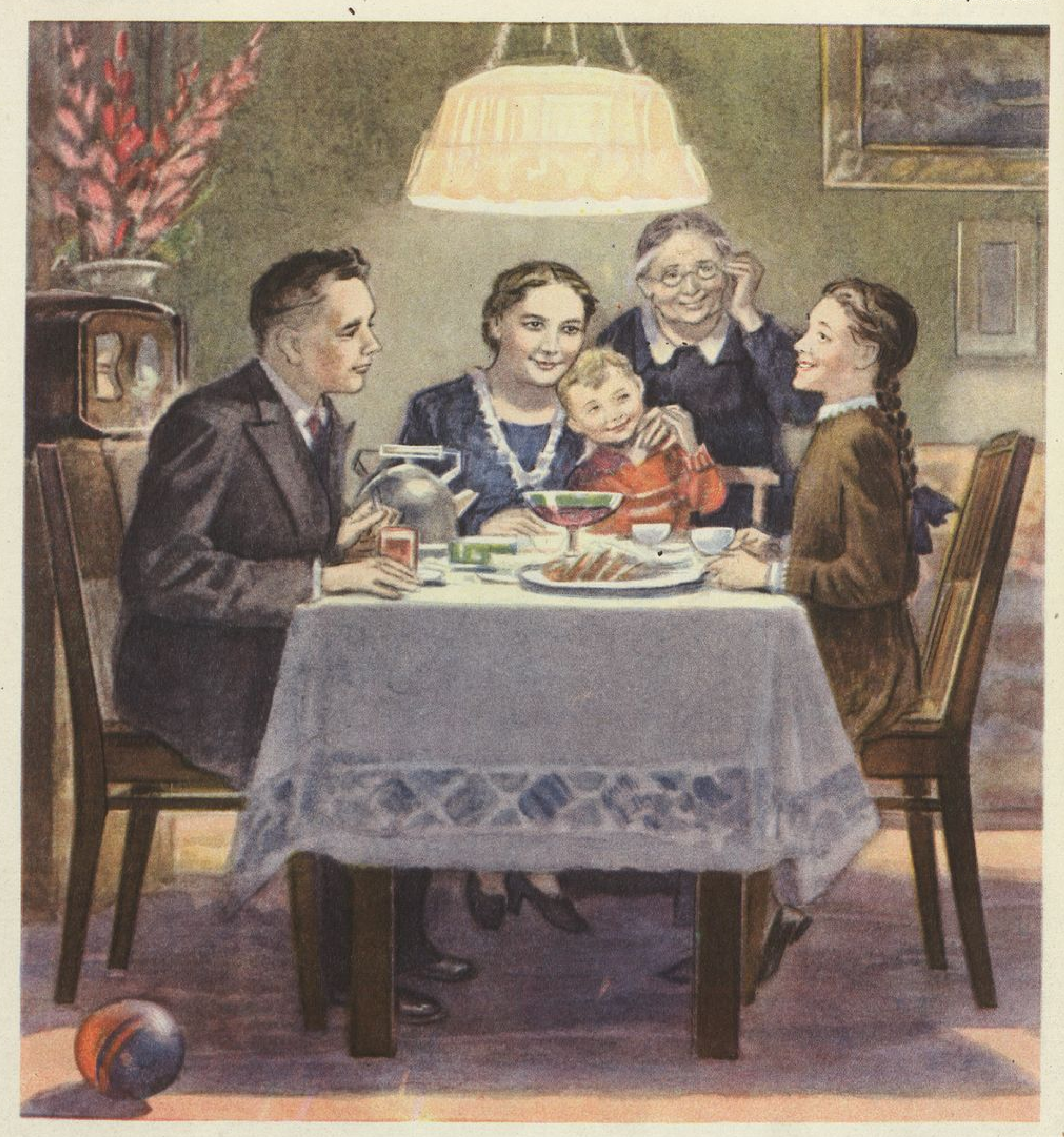
Люстры в зале гаснут, гаснут...
Мы примолкли и сидим.
Осветился бархат красный...
Что появится за ним?

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

Тут цветы, зайчата, лисы?
Нет, актёры и актрисы.
У серенького зайки
Шкурка вся из байки.

Листья у ромашки
Из цветной бумажки.
Гости хлопают в ладоши,
Говорят: «Спектакль хороший».

Рис. В. ЩЕГЛОВА

Новостей полным-полно!
Слушают родители
Про отличное звено,
Про нового учителя,
Про героев новой книжки
И про самый лучший сбор...
Очень хочется братишке
Слово вставить в разговор.
Он кричит: «А детский сад
Ходил с флажками на парад!»

Рис. К. КАЩЕЕВА

Мы на урок приходим в класс.
Какие чудеса у нас!
Вот глобус — это вся земля...
Здесь — наши реки и поля.
Здесь — стройки новые, а тут —
Лесные полосы растут.
А эти страны — нам друзья.

Их много — целая семья!
Там, дальше — страны капитала,
На всей земле их меньше стало.
Капиталисты в этих странах
Хотят войны, грозят войной,
Но дружно все народы встанут,
И будет мирным шар земной.

Рис. А. ПАХОМОВА

Настал торжественный, прекрасный,
Твой самый лучший день!
Тебе сказали: «Галстук красный
Сегодня ты надень».

Ребята дружно говорят
Торжественное слово.
Стоит под знаменем отряд,
К борьбе всегда готовый.

Рис. С. БОЙМА

Белорус, карел, узбек —
Все приехали в Артек!
День за днём отрядом дружным
Мы живём под солнцем южным.
Вместе плаваем, ныряем,
Ходим в горы, загораем...
Белокурый наш карел
Тоже очень загорел.
Раздаётся хохот, визг.
Над волнами — туча брызг!
Тут купаются эстонцы,
Молдаване, москвичи...
Все мы чёрные от солнца.
Нас попробуй различи!

Рис. В. ЩЕГЛОВА и А. РОМОДАНОВСКОЙ

Вот, светом солнечным залит,
Наш университет стоит.
Оттуда вся Москва видна!
Там близко солнце и луна!
Мы, все ребята, с нетерпеньем
Дня радостного ждём,

Когда по мраморным ступеням
Войдём в огромный дом.
— Я буду изучать металлы!
— Я — физику! — Я — минералы!
Пройдёт не так уж много лет —
Нас примут в университет.

А. БАРТО

Рис. И. ГРИНШТЕЙНА

ВЕЧЕРОМ В КЛАССЕ

Народ собрался к сроку —
К первому уроку.
Сидит на парте справа
Петрова у окна.
За ней Смирнова Клава
И Шура Фомина.

А за ними Ильина,
Но сейчас она больна.

Народ учёный в классе,
Тут знают много басен,
Тут в одну минуту
Семьсот помножат на семь!

Уходят ученицы,
Комната пуста.
Но кто опять садится
За парты, на места?

Опять пришла Петрова
И села у окна,
Пришла Смирнова снова,
И даже Ильина.

Взяв свои портфели,
Дочки — по домам.
В класс пришли и сели
Двадцать восемь мам.

Мамы сели рядом,
Начали вздыхать:
— Слишком много на дом
Стали задавать!

Вошёл учитель школьный.
Настала тишина.

— Вы Фоминой довольны? —
Спросила Фомина.
Смирнова руку подняла.
— А у Смирновой как дела?

— У Смирновой тройка
Сегодня за ответ,
Отвечает бойко,
Глубоких знаний нет!

Фомина упряма,
И ленится она.

— Да, — вздыхает мама, —
Упряма Фомина!

И вот из-за Смирновой
И Шуры Фоминой
Расстроиться готовы
Все мамы до одной!

Ведь не зря их дети
На свете будут жить, —
Должны учиться дети,
Чтоб родине служить!

Сказал учитель: — В целом
Успехи есть у нас,
Мы доказали делом,
Что мы хороший класс.

Хвалит он Петрову,
Вожатую звена.
Счастлива Петрова
На парте у окна.

Долго не расходятся
Мамы по домам,
И шумят, как школьницы,
Двадцать восемь мам.

И решают мамы,
Что учитель строг:
— В третьем классе самый
Строгий педагог!

Я. ТАЙЦ

Рис. Ю. КОРОВИНА

ГОЛУБАЯ БУСИНА

У Настеньки на шее блестит большая голубая бусина с причудливыми узорами. Попала она к ней вот каким образом.

Настенька живёт в Сибири, на тихом полустанке, неподалёку от станции «Ерофей Павлович». Полустанок такой маленький, что скорые поезда на нём даже не останавливаются. Но Настеньке нескучно там жить. Она ходит в колхозную школу, слушает радио, читает, разговаривает с папой... Мама у неё давно уже уехала на курсы, а папа работает начальником полустанка.

Он-то и сказал однажды Настеньке:

— Дочка, знаешь, кто нынче с курьерским едет?

— Кто?

— Корейские ребята, вот кто! Человек двадцать. В Москву катят, на Октябрьские праздники.

Настя всполошилась:

— Откуда ты знаешь?

— А мне дежурный с «Ерофея Павловича» по телефону сказал.

Насте очень хотелось поглядеть на корейских ребят, побыть с ними хоть минуточку.

— Папа, я буду их встречать, ладно? — сказала она. — А вдруг я ещё в вагон к ним попаду!

— Как же ты попадёшь? — сказал папа. — Ведь скорый-то у нас не останавливается.

— Ох, верно, я и забыла совсем! — огорчилась Настя. — А где ж он останавливается?

— Да там, где всегда, на «Ерофее Павловиче»! Стоянки ему положено десять минут.

— Десять минут? — переспросила Настя. Она вскочила и решительно сказала: — Папа! Я туда пойду!

— Куда ты пойдёшь? — сказал папа. — Ведь это три километра, не шутка. На дворе холод, снег, ещё заблудишься...

— Как же я заблужусь? — ответила Настя. — Ведь я по шпалам пойду.

— По шпалам?! А вдруг сзади поезд какой-нибудь!

— Что я, не услышу, что ли? Папа, миленький, пусти меня, пусти!

Настя долго уговаривала папу. Наконец он согласился.

— Ладно, — сказал он, — ступай. Только оденься потеплее!

Настя живо обулась в новенькие, ещё твёрдые чёрные пимы с белыми печатями, повязалась тёплым платком и погляделась в мамино карманное зеркальце. Всё в порядке! Рот прикрыт, нос прикрыт, одни глаза блестят. Она спрятала зеркальце в карман, сунула туда же две мягкие шанежки, набила другой карман ещё тёплыми кедровыми орешками и отправилась в дальнюю дорогу.

Она нетерпеливо переступала со шпалы на шпалу. Было холодно, падал сухой снег, дул студёный ветер. Но Настя родилась в Сибири и холода не боялась. Она упрямо шла, нагнув голову против ветра. Расстояние между шпалами как раз равнялось её шагу.

Кругом шумели толстые кедры и сосны, заунывно пели над головой провода, а Настя всё шла и шла, со шпалы на шпалу, со шпалы на шпалу...

Сначала она съела одну шанежку, потом другую, потом взялась за орешки. Она их ловко, точно белка, раскалывала надвое острыми передними зубами.

Скоро кончились и орешки. Но тут уже вдали показался высокий тонкий семафор и длинный каменный вокзал с надписью «Ерофей Павлович».

Настенька забралась внутрь вокзала. Там было полно ребят. Оказалось, что не одна Настя — многие пришли издалека встретить корейских гостей. Ребята то и дело выбегали поглядеть, нет ли поезда. Дежурный в красной фуражке покрикивал на них:

— Не бегать, однако! Поезд придёт своевременно!

И вот, наконец, раздался протяжный, ещё далёкий гудок. Все бросились на платформу. Настя пробралась вперёд, к самому краю. Немного погодя послышался знакомый стук колёс, стал виден чёрный дым, потом показался большой, важный паровоз. Он всё увеличивался, увеличивался, и вот с шипеньем прошёл мимо Насти, и перед Настиными глазами поплыли одна за другой толстенькие белые таблички: «Владивосток — Москва», «Владивосток — Москва»...

На ступеньках вагона стояли проводники с жёлтыми флажками в руках. Ребята кругом зашумели:

— Где они, где?

И Настя тоже закричала:

— Где они, где?

Ей повезло. Проводник того вагона, который остановился как раз против Насти, поднял флажок и с гордостью объявил:

— Здесь они! У меня!

Все столпились у вагона. Многие стали карабкаться по ступенькам. Настенька тоже забралась на нижнюю ступеньку. Проводник испуганно замахал флажком:

— Что вы, ребята, куда?! Они сами к вам выйдут!

И верно, сразу же за его спиной на площадке показались корейские ребята, — маленькие и побольше, мальчики и девочки, все в тёплых меховых куртках...

Кругом закричали:

— Ура! Привет! Да здравствует Корея! Да здравствует Ким Ир Сен!..

А маленькие корейцы смущённо улыбались и кивали чёрными, стрижеными, непокрытыми головами.

И тут со всех сторон к ним потянулись руки с подарками:

— Возьмите! На память... Пожалуйста!

Кто протягивал книжку, кто картинку, кто куклу... Вот когда Настеньке стало обидно! Как же это она не догадалась захватить с собою хоть что-нибудь для корейских ребят?!

Держась одной рукой за железный поручень, она стала другой шарить в кармане полушубка. Вот она нащупала мамино зеркальце. Ничего, мама сердиться не будет! Настенька поднялась ещё на одну ступеньку, вытащила зеркальце и стала его протягивать корейской девочке:

— Девочка, возьми... на память, пожалуйста, от меня... от Насти Воробьёвой... Ну, возьми!

Девочка пригнулась, взяла зеркальце и ласково улыбнулась Насте. Настенька была счастлива, что девочка взяла её простенькое зеркальце с зелёным ободком. А девочка вдруг расстегнула куртку, сняла через голову длинную нитку голубых бус и протянула её Насте. Но тут кругом закричали:

— И мне на память!.. И мне!.. И нам!..

— Правильно! — закричала Настя во

весь голос. — Всем надо, всем! Потому что мы все очень вас любим...

От волнения она позабыла, что корейская девочка не понимает по-русски, но девочка, видно, что-то поняла: она взмахнула рукой, разорвала нитку и стала всем раздавать по бусине, по бусине...

Ребята стали быстро разбирать бусы. Насте досталась большая голубая бусина. Она спрятала её в варежку и хотела было сказать корейским ребятам, чтобы они подольше погостили в Москве, получше бы отдохнули, но тут раздались два звонка, загудел паровоз, и поезд медленно задвигался.

— Ох, ещё уедешь с ними! — испугалась Настя. Она соскочила со ступенек и побежала за вагоном. — До свиданья! Счастливо доехать до Москвы! Счастливо погостить!

А корейская девочка махала сверху Настиным зеркальцем и кричала:

— Аннёни кесипсиё! — что значит по-корейски: «до свиданья».

Когда поезд ушёл, Настя зашагала за ним к себе на полустанок — со шпалы на шпалу, со шпалы на шпалу...

Время от времени она останавливалась, доставала из варежки бусину и любовалась на неё. Дома она надела её на нитку и стала носить.

Вот почему у Настеньки Воробьёвой на шее блестит большая голубая бусина с причудливыми серебристыми узорами...

З. АЛЕКСАНДРОВА

НА ЛЕСНОЙ ПОЛОСЕ

Как дети на зарядке,
Под солнцем у реки
Стоят на длинной грядке
Трёхлетние дубки.

Растут на ножках крепко,
Пьют влагу из земли,
Ни ветер, ни сурепка
Сгубить их не смогли.

Колхозники их полют,
Речной водой поят,
И подрастает в поле
Зелёный детский сад.

А вырастут ребята
В своей степи родной —
И встанут, как солдаты,
Надёжною стеной.

По сталинскому плану,
Сомкнув за рядом ряд,
Несметным войском встанут,
Посевы защитят.

И у стены зелёной,
В тени живых ветвей
Поникнет усмирённый,
Сражённый суховей...

Ну, а пока на грядке
Под солнцем у реки
Стоят, как на зарядке,
Трёхлетние дубки.

Они ветвями машут.
Как весело им тут!
Мы знаем, —
это наши
Защитники растут.

Рис. Е. РАЧЁВА

У СОЛНЫШКА В ГОСТЯХ

(Словацкая сказка)

Однажды большая туча занавесила небо. Солнце три дня не показывалось.

Заскучали цыплята без солнечного света.

— Куда это солнышко девалось? — говорят. — Нужно его поскорее на небо вернуть.

— Где же вы его найдёте? — закудахтала наседка. — Разве вы знаете, где оно живёт?

— Знать-то мы не знаем, а кого встретим, того спросим, — ответили цыплята.

Собрала их наседка в дорогу. Дала мешочек и сумочку. В мешочке — зёрнышко, в сумочке — маковинка.

Отправились цыплята. Шли-шли и видят: в огороде, за кочаном капусты сидит улитка. Сама большая, рогатая, а на спине хатка стоит.

Остановились цыплята и спрашивают:

— Улитка, улитка, не знаешь ли, где солнышко живёт?

Подумала улитка и говорит:

— Не знаю. Вон на плетне сорока сидит, может, она знает.

А сорока и ждать не стала, пока к ней цыплята подойдут. Подлетела к ним, затараторила, затрещала:

— Цыплята, куда вы идёте, куда? Куда вы, цыплята, идёте, куда?

Отвечают цыплята:

— Да вот солнышко скрылось. Три дня его на небе не было. Идём его искать.

— И я пойду с вами! И я пойду с вами! И я пойду с вами!

— А ты знаешь, где солнышко живёт?

— Я-то не знаю, а заяц, может, знает: он по соседству, за межой живёт, — затрещала сорока.

Увидел заяц, что к нему гости идут, поправил шапку, вытер усы и пошире ворота распахнул.

— Заяц, заяц, — запищали цыплята, затараторила сорока, — не знаешь ли, где солнышко живёт? Мы его ищем.

— Я-то не знаю, а вот моя соседка, утка, та, наверно, знает: она около ручья, в камышах живёт.

Повёл заяц всех к ручью. А возле ручья утиный дом стоит и челнок рядом привязан.

— Эй, соседка, ты дома или нет? — крикнул заяц.

— Дома, дома! — закрякала утка. — Всё никак не могу просохнуть, солнца-то три дня не было.

— А мы как раз солнышко идём искать! — закричали ей в ответ цыплята, сорока и заяц. — Не знаешь ли, где оно живёт?

— Я-то не знаю, а вот за ручьём, под дуплистым буком ёж живёт, он знает.

Переправились они на челноке через ручей и пошли ежа искать. А ёж сидел под буком и дремал.

— Ёжик, ёжик, — хором закричали цыплята, сорока, заяц и утка, — ты не знаешь, где солнышко живёт? Три дня его не было на небе, уж не захворало ли?

Подумал ёж и говорит:

— Как не знать, знаю, где солнышко живёт. За буком большая гора. На горе большое облако. Над облаком серебристый месяц, а там — и до солнца рукой подать!

Взял ёж палку, нахлобучил шапку и зашагал впереди всех дорогу показывать.

Вот пришли они на макушку высокой горы. А там облако за вершину уцепилось и лежит-полёживает.

Залезли на облако цыплята, сорока, заяц, утка и ёж, уселись покрепче, и полетело облако прямёхонько к месяцу в гости.

А месяц увидел их и поскорее засветил свой серебряный рожок.

— Месяц, месяц, — закричали ему цыплята, сорока, заяц, утка да ёж, — покажи нам, где солнышко живёт! Три дня его не было на небе, соскучились мы без него.

Привёл их месяц прямо к воротам солнцева дома, а в доме темно, света нет: заспалось, видно, солнышко и просыпаться не хочет.

Тут сорока затрещала, цыплята зашикали, утка закрякала, заяц ушами захлопал, а ёж палкой застучал.

— Солнышко-ведрышко, выгляни, высвети!

— Кто под окошком кричит? — спросило солнышко. — Кто мне спать мешает?

— Это мы — цыплята, да сорока, да заяц, да утка, да ёж. Пришли тебя будить, утро настало.

— Ох, ох!.. — застонало солнышко. — Да как мне на небо выглянуть? Три дня меня туча прятала, три дня собой заслоняла, а теперь и заблестеть не могу...

Услыхал про это заяц, схватил ведро и давай воду таскать. Услыхала про это утка, давай солнце водой умывать. А сорока давай полотенцем вытирать. А ёж давай колючей щетинкой начищать. А цыплята, те стали с солнышка соринки смахивать.

Выглянуло солнце на небо, чистое, ясное да золотое. И всюду стало светло и тепло.

Вышла погреться на солнышке и курица. Вышла и давай кудахтать, цыплят к себе подзывать.

А цыплята тут как тут. По двору бегают, зёрна ищут, на солнышке греются.

Кто не верит, пусть посмотрит, — бегают по двору цыплята или нет?

Обработала сказку С. Могилевская

На обложке рисунок В. Богаткина. На обороте обложки рис. В. Орлова „Салют“.
На стр. 3 — портрет И. В. Сталина. Цветное фото О. Петрова.

Художественный редактор Н. Попов *Рукописи не возвращаются* *Технич. редактор З. Тышкевич*

Год издания двадцать седьмой Цена 1 руб. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06. А08234 Подписано к печати 8/Х 1951 г.
2,8 уч.-изд. л. Бумага $60\times92^{1}/_{8}$=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 250 000 экз. Заказ 1962

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская, 21.

